АЛЕКСЕЙ АГАПОВ
ТЯЖКИЙ
ВЫБОР

Алексей Агапов

Тихий выброс

«Автор»

2026

Агапов А.

Тихий выброс / А. Агапов — «Автор», 2026

Бывший военный сталкер по прозвищу Штырь получает странный заказ: вывести из Рыжего леса не артефакт и не «хабар», а мальчика. Ребенок не отражается в воде, его тень падает не туда, а аномалии рядом с ним замирают, будто ждут. Штырь соглашается — ради денег на операцию для своей дочери. Но очень скоро он понимает: его наняли не спасать. Его наняли доставить.За мальчиком охотятся ученые из закрытого института, бойцы «Долга» и сектанты, которые считают его первым словом Зоны.

© Агапов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 2. РЫЖИЙ ЛЕС 9
1 9
2 10
3 11
4 12
5 13
6 14
7 15
ГЛАВА 3. ТЕНЬ НЕ ТУДА 16
1 16
2 17
3 18
4 19
5 20
6 21
7 22
ГЛАВА 4. ЛИТЕРА 23
1 23
2 24
3 25
4 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Алексей Агапов
Тихий выброс

ГЛАВА 1. НЕЙТРАЛКА

1

Дождь на Кордоне никогда не заканчивался. Он мог стихнуть на час, на два, на целую ночь — но потом возвращался, тихий, въедливый, как чужая память. Он стучал по жестяной крыше барака, стекал по стенам, вымывал из земли ржавую воду, которая пахла железом и чем-то сладковатым, как гниющая трава. Штырь сидел на перевернутом ящике у входа в барак и смотрел, как капли разбиваются о бетонный порог. В правой руке — остывший чай в мятой кружке. В левой — сигарета, которую он забыл прикурить.

Он сидел так уже минут двадцать.

Перед ним, в десяти шагах, за сеткой-рабицей, начиналась Зона. Не та Зона, о которой рассказывают в байках у костра, — не мистическая территория с «исполнителем желаний» и «монолитом». Настоящая. Серо-зеленая полоса тумана, которая висела над заброшенной дорогой, не двигаясь с места, сколько бы ветра ни было. Пятна жухлой травы, которая росла не вверх, а вбок. И тишина. Не обычная тишина, когда просто нет звука, а та, которая как будто ждет, что ты сам что-нибудь скажешь.

Штырь не говорил. Он давно понял: с Зоной лучше молчать. Она не любит болтунов.

За спиной скрипнула дверь. Вышел Хромой — сталкер лет пятидесяти, с протезом вместо левой ступни, который он сам смастерил из куска трубы и ремня. Хромой был здесь старожилом, знал всех и всё, и считал своим долгом напоминать каждому новичку, что Зона — «не место для романтики». Штырь слышал эту фразу раз триста, и каждый раз она звучала по-разному. Иногда как предупреждение. Иногда как молитва. Сегодня — как приговор.

— Штырь, — сказал Хромой, присаживаясь рядом на такой же ящик. — Ты чего такой?

— Какой?

— Как будто ты уже там.

Штырь пожал плечами. Он действительно был «уже там» — мыслями. В Зоне. В той точке, где месяц назад погибла его группа. Где он остался один, потому что Зона так решила. Где он до сих пор слышал голос Волка — молодого сталкера, который успел крикнуть что-то перед тем, как «Карусель» сложила его пополам, как перочинный нож. Штырь не помнил, что именно кричал Волк. Но голос помнил.

— Слухи ходят, — сказал Хромой, помолчав. — Будто на Рыжем лесу что-то происходит.

— В Рыжем лесу всегда что-то происходит.

— Не такое. Говорят, там аномалии встали. Совсем. Стоят и не двигаются. И мутанты — не нападают. Сидят по кустам, как собаки на привязи. — Хромой понизил голос. — И еще говорят, там мальчик.

Штырь повернул голову.

— Какой мальчик?

— Не знаю. Просто мальчик. Говорят, ходит по лесу, и аномалии его не трогают. Люди пропадают. Не все — но многие. Кто-то видел его тень — она не туда падает.

Штырь хмыкнул. Он слышал много баек. Про «девочку с крыльями» на Янтаре, про «говорящего кровососа» на Свалке, про «человека, который вернулся из выброса и не постарел». Байки были частью Зоны, как аномалии и мутанты. Но в этот раз что-то царапнуло. Может быть, слово «мальчик». Может быть, то, как Хромой сказал это — тихо, без обычной усмешки.

— И что ты мне предлагаешь? — спросил Штырь.

— Ничего. Просто говорю. — Хромой встал, хрустнув протезом. — Ты же все равно туда пойдешь. Рано или поздно. Все мы туда идем.

Он ушел в барак. Штырь снова остался один. Дождь усилился. Капли теперь били по крыше так громко, что заглушали все остальные звуки — и на секунду Штырю показалось, что в этом стуке есть ритм. Медленный, тяжелый, как удары сердца. Он прислушался. Ритм был.

Штырь выбросил сигарету в мокрую траву. Она не погасла — тлела, как маленький уголек, пока ее не залило водой.

2

Сидорович сидел за своим столом в подсобке склада, который он называл «торговым залом», и пересчитывал патроны. Не потому, что нужно было, — просто патроны он любил больше людей. Они, по крайней мере, не пытались его обмануть.

Штырь стоял у входа, прислонившись плечом к бетонной стене. Он знал Сидоровича восемь лет. За это время тот ни разу не изменился: та же клетчатая рубашка, тот же бегающий взгляд, та же манера говорить — как будто он извиняется за то, что дышит.

— Слышал про Рыжий лес? — спросил Штырь.

— Слышал, — Сидорович не поднял глаз. — Все слышали.

— И что думаешь?

— Думаю, что там либо очень хорошая аномалия, либо очень плохая шутка. — Он наконец посмотрел на Штыря. — Тебе-то что? Ты вроде завязал.

— Я не завязывал. Я просто... не ходил.

— Это и есть завязка. — Сидорович отложил патроны. — Штырь, я тебя знаю. Ты не «просто не ходил». Ты сидишь тут уже месяц, пьешь мою водку и смотришь на Зону, как на бабу, которая тебя бросила. Если ты хочешь снова туда — иди. Но не притворяйся, что тебе просто интересно.

Штырь криво усмехнулся. Сидорович был прав. Он всегда был прав, и это бесило.

— Мне нужны деньги, — сказал он. — Не для себя.

— Знаю. — Сидорович вздохнул. — Слышал про твою дочь. Дай угадаю: операция?

Штырь кивнул.

— Сколько?

— Три тысячи. Долларов. — Штырь произнес это ровно, как выученный текст. Он повторял эту цифру про себя столько раз, что она перестала быть суммой. Стала приговором.

Сидорович присвистнул.

— Три тысячи. За один поход.

— За один хороший поход.

— Хороших походов не бывает. — Сидорович потер подбородок. — Есть у меня один вариант. Но он... странный.

Штырь подошел ближе.

— Странный — это как?

— Тебя нанимают не за артефакт. И не за «хабар». — Сидорович понизил голос. — Тебя нанимают за человека.

Штырь молчал.

— Там, в Рыжем лесу. Тот мальчик. Его нужно вывести. — Сидорович развел руками. — Вот и всё. Никакой мистики. Просто вывести ребенка из точки А в точку Б.

— Кто заказчик?

— Не знаю. Через посредника. Но деньги — вперед. Половина. — Сидорович выдвинул ящик стола и достал конверт. — Вот. Можешь посмотреть. Не считай при мне — я обижусь.

Штырь взял конверт. Не открыл. Он чувствовал пальцами, как он тяжелый — плотный, набитый купюрами.

— Что за посредник?

— Женщина. Молодая. Сказала, что будет ждать на «нейтралке» через два дня. — Сидорович помолчал. — Штырь. Я тебе это говорю не как торговец, а как... ну, ты знаешь.

— Как кто?

— Как человек, который видел, как люди уходят в Зону за деньгами и не возвращаются. — Сидорович посмотрел ему прямо в глаза. — Она странная. Эта женщина. Не как сталкер. Не как ученая. Как будто она знает что-то, чего не знает никто. И это «что-то» ей не нравится.

Штырь сунул конверт во внутренний карман куртки.

— Мне нужны деньги, — повторил он. — Остальное неважно.

Он вышел на улицу. Дождь все еще шел. Где-то далеко, за сеткой, в серо-зеленом тумане, что-то ухнуло — низко, протяжно, как будто Зона вздохнула. Штырь остановился. Прислушался. Зона молчала.

3

Ночью ему приснилась дочь.

Она сидела на больничной койке, в белой рубашке, которая была ей велика на два размера. Ее волосы — светлые, как у матери, — были собраны в два хвостика, которые торчали в разные стороны. Она улыбалась. Штырь стоял в дверях палаты и не мог войти. Ноги не двигались. Как будто кто-то держал его за лодыжки.

— Пап, — сказала она. — Ты почему не идешь?

— Не могу, — ответил он. — Я... не могу.

— А ты попробуй.

Он попробовал. Шагнул. И оказался не в палате, а в лесу. В том самом лесу — с рыжей травой и серыми стволами, которые стояли слишком ровно, как будто их кто-то расставил. Дочь сидела на поваленном дереве. Она была все в той же рубашке, но теперь ее лицо было другим. Не ее. Мальчишеское. С острым подбородком и глазами, которые были слишком взрослыми для ребенка.

— Дядя Леша, — сказал мальчик голосом дочери. — Ты же умер.

Штырь проснулся.

Он лежал на койке в бараке, укрытый старым одеялом, которое пахло пылью и машинным маслом. Сердце колотилось. В висках стучало. Он посмотрел на часы — три ночи. За окном все еще шел дождь.

Штырь сел. Достал из-под подушки фляжку. Сделал глоток. Водка обожгла горло, но не помогла. Голос мальчика остался в ушах — тихий, спокойный, как будто он говорил очевидную вещь. «Ты же умер».

Штырь не умер. Но иногда ему казалось, что это не так.

Он оделся — медленно, как будто каждое движение требовало усилия. Натянул штаны, куртку, ботинки. Проверил «АКМ» — механически, не думая. Патроны в магазине. Затвор. Предохранитель. Все как обычно. Но руки дрожали.

Выйдя на улицу, он закурил. Дождь стих. Небо было чистым — редкое явление для Кордона. Звезды висели над Зоной, как будто их кто-то приколотил гвоздями. Штырь смотрел на них и думал о том, что мальчик в его сне сказал «дядя Леша». Так его называли только свои. Те, кто знал его до Зоны. До того, как он стал Штырем.

Он докурил. Вернулся в барак. Сел на койку. И просидел так до утра, глядя в стену.

4

Утром он пошел к Сидоровичу.

— Я согласен, — сказал он.

Сидорович кивнул. Не удивился.

— Хорошо. Она будет ждать завтра. На «нейтралке». У старого автобуса.

— Кто она?

— Я же сказал. Не знаю. — Сидорович помолчал. — Но она сказала, что ты ее узнаешь.

Штырь нахмурился.

— Как это?

— Не знаю. Так сказала. — Сидорович отвернулся к своим патронам. — Штырь. Еще одна вещь. Она сказала, что мальчик... не совсем мальчик. Но не объяснила. Просто сказала: «Он не то, чем кажется». И еще: «Если ты его выведешь, Зона изменится».

Штырь ничего не ответил. Он вышел на улицу. Дождь снова начался — мелкий, почти невидимый. Зона за сеткой была серой и неподвижной. Но где-то там, в Рыжем лесу, стоял мальчик, который говорил голосом его дочери. И Штырь знал, что пойдет за ним. Не потому, что ему заплатили. Не потому, что ему нужны деньги.

А потому, что во сне мальчик сказал «дядя Леша». И это было единственное, что имело значение.

Он вернулся в барак, достал из-под койки старый рюкзак, который не открывал месяц. Внутри лежал комбинезон «Заря» — перешитый, с вставками брони, с пятнами, которые не отстирывались. Штырь провел рукой по ткани. Потом начал собираться.

Снаружи дождь стучал по крыше. И если прислушаться, в этом стуке снова был ритм. Медленный. Тяжелый. Как удары сердца.

Штырь прислушался. Ритм был.

Он закрыл рюкзак. Застегнул. И вышел под дождь.

ГЛАВА 2. РЫЖИЙ ЛЕС

1

Гвоздь ждал его у бетонного блока на окраине «нейтралки», где заканчивалась территория людей и начиналась территория Зоны. Он был невысоким, сухим, с лицом, которое казалось вырезанным из старой покрышки — темным, морщинистым, с глубокими трещинами у глаз. На левой руке не хватало двух пальцев. На правой — татуировка, выцветшая до синевы: «НЕ ВЕРЬ».

Штырь знал его лет шесть. Гвоздь ходил в Зону, как на работу: без пафоса, без мистики, без лишних слов. Он не любил сталкеров, которые рассказывали байки, и не любил ученых, которые задавали вопросы. Он любил только деньги и тишину.

Рядом с Гвоздем стоял второй — молодой, лет двадцати пяти, в новом комбинезоне, который еще блестел, как будто его только что достали из упаковки. У него было круглое лицо, наивные глаза и обрез в руках, который он держал так, будто это была не винтовка, а змея.

— Это кто? — спросил Штырь, кивнув на молодого.

— Пионер, — сказал Гвоздь. — Первый раз идет. Но парень нормальный. Не ссыт.

— Пока не ссыт, — поправил Штырь.

Пионер улыбнулся. Улыбка была искренней, но Штырь заметил, как у него дрожат пальцы на стволе обреза.

— Я слышал про тебя, — сказал Пионер. — Ты Штырь. Ты один выжил на «Карусели» в прошлом месяце.

Штырь посмотрел на него. Долго.

— Я не выжил, — сказал он. — Я просто не умер.

Пионер перестал улыбаться.

2

Они вышли на рассвете. Туман лежал низко, как мокрое одеяло, и видимость была метров двадцать, не больше. Гвоздь шел впереди — он знал маршрут наизусть, как старик знает дорогу до собственного сарая. Пионер шел в середине, Штырь замыкал.

Первые два часа ничего не происходило. Это было нормально для Зоны — она часто молчала, как будто выжидала. Штырь привык к этому молчанию. Он даже находил в нем что-то успокаивающее. Но сегодня молчание было другим. Плотнее. Как будто кто-то стоял за спиной и дышал в затылок, но когда ты оборачивался — никого.

— Аномалии, — сказал вдруг Гвоздь, останавливаясь.

Штырь подошел. Впереди, метрах в пятнадцати, висела «Электра» — темное пятно, которое дрожало в воздухе, как марево над горячим асфальтом. Обычно она двигалась — медленно, но двигалась, как медуза в воде. Эта стояла.

— Стоит, — сказал Пионер. — Почему она стоит?

— Не знаю, — ответил Гвоздь. — Но я такое видел. Один раз. Перед большим выбросом.

Они обошли «Электру» по широкой дуге. Штырь не сводил с нее глаз. Она действительно не двигалась. И когда они прошли мимо, ему показалось, что она повернулась. Не сдвинулась с места — а именно повернулась, как голова, которая следит за тобой.

Он не сказал об этом вслух.

3

К полудню они вошли в Рыжий лес.

Штырь бывал здесь раньше. Лес был старым — с деревьями, которые стояли слишком прямо, как будто их посадили по линейке. Кора на них была серой, с рыжими пятнами, которые никогда не смывались. Трава под ногами была сухой и ломкой, как бумага. И тишина. Та самая тишина, которая ждет, чтобы ты что-нибудь сказал.

Но сегодня лес был другим.

— Смотри, — сказал Пионер, указывая на землю.

Штырь посмотрел. На пыльной тропе не было следов. Ни одного. Ни звериных, ни человеческих. Как будто они были первыми, кто прошел здесь за очень долгое время.

— Это нормально? — спросил Пионер.

— Нет, — сказал Гвоздь. — Это ненормально.

Он достал из кармана старый компас — механический, с треснувшим стеклом. Посмотрел на стрелку. Она крутилась, как сумасшедшая.

— Аномалия? — спросил Штырь.

— Не похоже. — Гвоздь убрал компас. — Аномалия — она локальная. А тут как будто весь лес... сдвинулся.

Штырь почувствовал, как у него холодеет затылок. Он знал это чувство. Оно появлялось перед тем, как что-то шло не так. Не просто опасно — а неправильно. Как будто Зона играла по другим правилам, которые ты не знал.

Они прошли еще метров сто. И тогда увидели поляну.

4

Поляна была круглой, как будто кто-то вырезал ее из леса ножницами. Трава на ней была примята. В центре лежали тела.

Штырь насчитал шесть. Может, семь. Они лежали в разных позах — кто на спине, кто лицом вниз, кто скорчившись. Одежда на них была разной: сталкерские комбинезоны, военная форма, что-то гражданское. Но всех их объединяло одно: они были мертвы уже давно. Дни, может, недели. Тела раздулись, кожа потемнела. Но не было ни запаха, ни мух, ни воронья. Ничего.

— Мутанты не тронули, — тихо сказал Гвоздь. — Ни одного.

Пионер стоял, прижав обрез к груди, и смотрел на тела широко раскрытыми глазами.

— Кто их?.. — начал он.

— Не знаю, — перебил Штырь. — Но они не от аномалии. Аномалия так не оставляет.

Он подошел ближе. Присел рядом с одним из тел — мужчина в сталкерском комбинезоне, лет сорока, с бородой. На его лице не было ни страха, ни боли. Оно было спокойным. Как будто он просто лег и закрыл глаза.

Штырь выпрямился. И тогда увидел мальчика.

Он сидел на поваленном дереве, в двух метрах от ближайшего тела. Ноги свесил вниз, руки положил на колени. На нем была серая куртка, которая была ему велика на несколько размеров, и стоптанные ботинки. Волосы — темные, коротко стриженные. Лицо — бледное, с острым подбородком. Он смотрел прямо на Штыря.

И улыбался.

Не широко. Не радостно. Просто уголки губ были чуть приподняты, как будто он знал что-то, чего не знал Штырь.

— Привет, — сказал мальчик.

Голос был тихий, спокойный. Обычный мальчишеский голос. Но Штырю он показался знакомым. Он не мог вспомнить, где его слышал.

— Ты кто? — спросил Штырь.

— Тимур. — Мальчик помолчал. — Но ты можешь звать меня Кроха. Так меня зовут все.

— Кто — все?

Кроха не ответил. Он просто смотрел на Штыря, и улыбка не исчезала с его лица.

5

— Это он? — спросил Гвоздь, подходя.

— Он, — сказал Штырь.

— А почему он живой?

Штырь не ответил. Он сам не знал. Мальчик сидел в центре поляны, где лежали мертвые тела, и выглядел так, будто только что проснулся после тихого часа. На его одежде не было ни пятна. На ботинках — ни пыли.

— Мальчик, — сказал Гвоздь, присаживаясь на корточки. — Ты как здесь оказался?

Кроха перевел взгляд на Гвоздя. Улыбка исчезла.

— Я всегда здесь, — сказал он.

— В смысле — всегда?

— В смысле — всегда. — Кроха снова посмотрел на Штыря. — Ты пришел за мной. Я знал, что ты придешь.

Штырь почувствовал, как что-то холодное скользнуло по спине. Он не верил в предчувствия, не верил в «избранность», не верил в байки про сталкеров, которые «слышат Зону». Но этот мальчик говорил так, как будто действительно знал.

— Откуда ты знал? — спросил Штырь.

— Ты мне снился, — сказал Кроха. — Ты и твоя дочь. Она красивая. У нее два хвостика.

Штырь замер. Он не говорил никому про дочь. Ни Сидоровичу, ни Гвоздю, ни Пионеру. Только Хромому — и то вскользь.

— Ты... — начал он.

И тогда собаки вышли из леса.

6

Их было шесть. Слепые псы — крупные, с облезлой шерстью и мордами, которые были похожи на обрубки. Они вышли из тумана беззвучно, как будто материализовались из воздуха. Окружили поляну. И остановились.

Штырь вскинул автомат. Гвоздь сделал то же самое. Пионер вскрикнул и выстрелил — обрез грохнул так громко, что эхо покатилось по лесу. Одна из собак дернулась, но не упала. Дробь ушла в сторону.

— Не стреляй! — рявкнул Гвоздь. — Не стреляй, идиот!

Собаки не двигались. Они стояли и смотрели — если можно назвать взглядом то, что делали существа без глаз. Их морды были повернуты к поляне. Но не к мальчику. К Штырю.

Они смотрели на Штыря.

Одна из них — самая крупная, с рваным ухом, — сделала шаг вперед. Потом еще один. Штырь держал ее на прицеле. Палец лежал на спусковом крючке. Он ждал.

Собака подошла к нему на расстояние трех метров. Остановилась. Наклонила голову. И села.

Остальные сделали то же самое. Сели вокруг поляны, как будто ждали команды.

— Какого черта... — прошептал Пионер.

Штырь не отрывал взгляда от собаки. Она сидела спокойно, как домашняя. Ее морда была повернута к нему, и в ней не было агрессии. Только... ожидание. Как будто она знала, что он сделает дальше.

— Они не нападают, — сказал Гвоздь. — Они... ждут.

— Чего? — спросил Пионер.

— Его. — Гвоздь кивнул на Штыря. — Они ждут его.

Штырь медленно опустил автомат. Собака не двинулась. Он сделал шаг вперед. Она не двинулась. Он сделал еще один шаг — и тогда она встала, повернулась и ушла в лес. Остальные последовали за ней. Через несколько секунд поляна снова была пустой.

Штырь стоял, не двигаясь. Сердце колотилось. Руки тряслись.

— Что это было? — спросил Пионер.

— Не знаю, — ответил Штырь. — Но они не тронули мальчика.

Он обернулся. Кроха сидел на том же месте, все с той же улыбкой.

— Они тебя слушаются, — сказал мальчик. — Они всегда слушаются тех, кто должен прийти.

7

Они вышли с поляны через полчаса. Штырь нес Кроху на руках — мальчик был легким, почти невесомым, как будто внутри него была не плоть и кости, а что-то другое. Гвоздь шел впереди, Пионер замыкал. Собаки больше не появлялись.

Лес постепенно менялся. Деревья становились ниже, трава — зеленее. Туман рассеивался. К вечеру они вышли к старой дороге, которая вела на север, к заброшенной школе, где они планировали заночевать.

Штырь шел и смотрел на мальчика. Кроха молчал. Его глаза были закрыты. Он дышал ровно, как будто спал. Но Штырь знал, что он не спит.

— Почему ты сказал, что я умер? — спросил Штырь тихо.

Кроха открыл глаза. Посмотрел на него.

— Потому что ты и умер, — сказал он. — Ты просто еще не понял.

Штырь остановился.

— Что это значит?

Кроха снова закрыл глаза. Улыбнулся.

— Потом, — сказал он. — Когда будем в школе. Там есть кто-то, кто тебе все расскажет.

Штырь хотел спросить еще что-то, но Гвоздь обернулся и махнул рукой — быстрее. Солнце садилось. В Зоне темнело быстро, и ночью здесь было опасно. Штырь пошел дальше.

Он нес мальчика на руках и чувствовал, как его тень падает на дорогу. Она была длинной, как у взрослого человека. Но когда он посмотрел на тень Крохи, то увидел, что она отстает. На полсекунды. Может, на секунду.

Штырь отвернулся и пошел быстрее.

ГЛАВА 3. ТЕНЬ НЕ ТУДА

1

Школа стояла на холме, как обломок зуба в челюсти земли. Двухэтажное здание из серого кирпича, с провалившейся крышей и окнами, которые были похожи на пустые глазницы. Стены покрылись мхом, который в свете заходящего солнца казался ржавым. Вокруг — ни деревьев, ни кустов. Только сухая трава и бетонные плиты, которые когда-то были дорожкой.

Гвоздь остановился у входа. Посмотрел на здание. Потом на Штыря.

— Здесь, — сказал он. — Внутри есть подвал. Стены толстые. Если что — отсидимся.

— Если что — что? — спросил Пионер.

— Если что-нибудь придет, — ответил Гвоздь. — Ты вообще слушаешь, что я говорю, или просто идешь?

Пионер не ответил. Он смотрел на школу, и его лицо было бледным.

Штырь опустил Кроху на землю. Мальчик встал, отряхнулся — механически, как будто делал это тысячу раз — и посмотрел на здание. В его глазах не было страха. Только узнавание.

— Я здесь был, — сказал он.

— Когда? — спросил Штырь.

— Всегда.

Штырь не стал уточнять. Он уже понял, что вопросы к этому мальчику редко дают прямые ответы.

2

Внутри пахло плесенью и старой бумагой. Коридоры были длинными и темными, с рядами металлических шкафчиков, которые стояли открытыми, как будто из них что-то забрали — быстро, в спешке. На полу валялись тетради, которые размокли и превратились в серую кашу. На стенах — выцветшие плакаты с алфавитом и таблицей умножения. В одном месте кто-то написал краской: «НЕ ХОДИ ВНИЗ».

Штырь прочитал надпись. Посмотрел на Гвоздя.

— Подвал, — сказал Гвоздь. — Там кто-то жил. Раньше.

— Кто?

— Не знаю. Но ходят слухи, что в этой школе есть... — Он замолчал. — В общем, не ходи в подвал. Переночуем на втором этаже, в классе. Утром уйдем.

Штырь кивнул. Он не верил в слухи. Но он верил в Зону, а Зона редко оставляла такие надписи просто так.

Они поднялись на второй этаж. Класс был большой — с рядами парт, которые стояли неровно, как будто дети выбежали из него в панике. На стенах висели портреты — выцветшие, с лицами, которые стерлись до бледных пятен. В углу стоял шкаф с книгами, которые превратились в труху.

Гвоздь закрыл дверь. Подпер ее стулом. Пионер сел за парту у окна и начал разбирать свой обрез — нервно, слишком быстро. Штырь поставил рюкзак на пол и сел у стены, спиной к кирпичу.

Кроха стоял у окна. Смотрел на улицу.

— Что там? — спросил Штырь.

— Темно, — сказал мальчик. — Но скоро будет светло.

— Это ночь. Будет темнее.

— Не сегодня. — Кроха обернулся. Улыбнулся. — Сегодня будет светло.

Штырь не понял, что он имеет в виду. Он решил, что не хочет понимать.

3

Первый звук пришел около полуночи.

Штырь не спал. Он сидел у стены, с автоматом на коленях, и смотрел на дверь. Гвоздь спал — или делал вид, что спит. Пионер дремал за партой, положив голову на руки. Кроха сидел у окна, скрестив ноги, и смотрел в темноту.

Звук был тихим. Как будто кто-то глубоко вздохнул. Не в комнате — где-то внизу. В подвале.

Штырь посмотрел на Гвоздя. Тот открыл глаза.

— Слышал? — прошептал Штырь.

Гвоздь кивнул.

Звук повторился. Вдох. Пауза. Выдох. Медленный, ровный, как дыхание спящего человека. Но он шел снизу, из-под пола, и в нем была какая-то неправильность. Слишком глубокий. Слишком долгий. Как будто дышало что-то очень большое.

Пионер проснулся. Посмотрел на них. Его глаза были круглыми от страха.

— Что это? — прошептал он.

— Тихо, — сказал Гвоздь.

Они сидели, не двигаясь. Дыхание продолжалось. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Ровно, как метроном.

И тогда Штырь заметил, что Кроха дышит в такт.

Мальчик сидел у окна, и его грудь поднималась и опускалась точно в том же ритме, что и звук из подвала. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Как будто он был связан с этим звуком. Как будто они дышали вместе.

Штырь подошел к нему. Присел рядом.

— Кроха, — сказал он тихо. — Что это?

Мальчик не ответил. Он смотрел в темноту за окном. Улыбался.

— Она дышит, — сказал он наконец. — Она всегда дышит. Просто вы не слышите.

— Кто — она?

— Мама. — Кроха повернул голову. Посмотрел на Штыря. — Она хочет, чтобы ты пришел. Но не сейчас. Потом. Когда будешь готов.

Штырь почувствовал, как у него пересохло во рту. Он хотел спросить еще что-то, но Гвоздь тронул его за плечо.

— Не сейчас, — сказал Гвоздь. — Не здесь.

Штырь кивнул. Он вернулся на свое место. Сел. Положил автомат на колени. Дыхание из подвала продолжалось. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

И Кроха дышал вместе с ним.

4

Штырь не спал до утра. Он сидел у стены и смотрел, как меняется свет за окном. Дыхание из подвала стихло около трех ночи — резко, как будто кто-то закрыл рот. Кроха тоже перестал дышать в такт. Он просто сидел и смотрел в окно.

На рассвете Штырь вышел в коридор. Ему нужно было проверить здание — привычка, которую он не мог оставить. Гвоздь остался в классе. Пионер спал, свернувшись на полу под партой.

Штырь прошел по коридору. Шкафчики. Плакаты. Тетради. Он спустился на первый этаж. Дверь в подвал была в конце коридора — металлическая, с облупившейся краской и ржавой ручкой. На ней тоже была надпись: «НЕ ХОДИ ВНИЗ».

Штырь остановился. Посмотрел на дверь. Потом достал фонарь. Включил. Луч света упал на металл.

Он не собирался открывать. Но дверь была приоткрыта. На палец. Может, меньше.

Штырь толкнул ее. Дверь поддалась. За ней была лестница — узкая, бетонная, с перилами, которые проржавели до основания. Снизу пахло сыростью и чем-то сладковатым. Как будто там что-то гнило. Или цвело.

Штырь сделал шаг. Потом еще один. Луч фонаря выхватывал стены — мокрые, покрытые плесенью. На стенах были рисунки. Детские. Мелками. Солнце, дома, деревья. И люди — палочки с кружками вместо голов. Но среди них была одна фигура, которая не была палочкой. Она была нарисована тщательно, с тенями и деталями. Женщина. С длинными волосами. С лицом, которое было стерто.

Штырь спустился до конца лестницы. Подвал был большим — с низким потолком и колоннами, которые подпирали его. В углу стоял старый матрас. Рядом — ящик с консервами. Кто-то здесь жил. Давно.

И тогда он увидел тень.

На стене. Большую. Женскую. Она двигалась — медленно, как будто покачивалась. Но на стене не было ничего, что могло бы ее отбрасывать. Никакого предмета. Никакого человека.

Штырь поднял фонарь. Тень не исчезла. Она была там. На стене. И она дышала.

Вдох. Выдох.

Штырь отступил на шаг. Потом еще на шаг. Тень не двинулась за ним. Она просто была. Как будто ждала.

Штырь развернулся и поднялся по лестнице. Закрыл дверь. Прислонился к ней спиной. Сердце колотилось. Руки тряслись.

Он стоял так минуту. Может, две. Потом пошел наверх.

5

— Ты чего? — спросил Гвоздь, когда Штырь вернулся в класс.

— Ничего, — сказал Штырь. — Проверил здание. Все чисто.

Он соврал. Он не знал, почему. Может быть, потому что не хотел, чтобы Гвоздь пошел туда. Может быть, потому что не хотел признаваться, что видел. Может быть, потому что боялся, что если расскажет — это станет реальным.

Кроха сидел у окна. Смотрел на него. Улыбался.

— Ты ее видел, — сказал мальчик. Не спросил. Утвердил.

Штырь подошел к нему. Присел.

— Кто она?

— Мама. — Кроха пожал плечами. — Она здесь давно. Она ждет.

— Чего ждет?

— Тебя. — Мальчик посмотрел ему в глаза. — Она знала твою маму. Давно. Когда та была еще жива.

Штырь замер. Его мать умерла, когда ему было двенадцать. Он почти не помнил ее. Только голос — тихий, спокойный. И руки — теплые, сухие. И то, как она говорила: «Леша, не бойся. Все будет хорошо».

— Ты врешь, — сказал он.

— Нет, — сказал Кроха. — Я не умею врать. Я просто говорю то, что знаю.

Штырь выпрямился. Отошел к стене. Сел. Автомат на колени. Он смотрел в пол и думал о том, что этот мальчик знает слишком много. О его дочери. О его матери. О нем самом. И это было не просто странно — это было неправильно. Как будто кто-то читал его мысли. Или как будто кто-то уже знал его — до того, как он сам себя узнал.

6

Они вышли из школы в семь утра. Солнце поднялось над лесом, и туман рассеялся. День был ясным — редкое явление для Зоны. Но Штырь не радовался. Он шел и думал.

Он думал о том, что нужно бросить заказ. Взять деньги, которые уже получил, и уйти. Вернуться на Кордон. Найти другой способ достать три тысячи. Может быть, продать что-то. Может быть, занять. Может быть, сделать что-то еще — что угодно, только не идти дальше с этим мальчиком.

Он думал о том, что Кроха — не ребенок. Не совсем. Что-то в нем было не так. Что-то, что Штырь не мог назвать. Может быть, он был аномалией. Может быть, мутантом. Может быть, чем-то еще, чего Штырь не знал.

Он думал о том, что Зона ведет его. Собаки, которые не напали. Аномалии, которые стояли. Дыхание в подвале. Тень на стене. Все это было связано. Все это было частью чего-то большего — чего-то, что Штырь не понимал.

И он думал о дочери. О ее лице. О ее голосе. О том, как она сказала «пап, ты почему не идешь». Он думал о том, что если он умрет здесь, в Зоне, она останется одна. Без денег. Без отца. Без ничего.

Он остановился.

Гвоздь обернулся.

— Ты чего?

Штырь стоял на дороге. Смотрел на мальчика, который шел впереди — легкий, спокойный, как будто прогуливался по парку. Кроха обернулся. Посмотрел на него. Улыбнулся.

— Ты не уйдешь, — сказал мальчик. — Ты же знаешь.

Штырь ничего не ответил. Он просто пошел дальше.

7

К полудню они вышли к перекрестку. Старая дорога раздваивалась: одна ветка вела на север, к Кордону, другая — на восток, вглубь Зоны. Гвоздь остановился.

— Нам туда, — сказал он, кивнув на север.

Штырь посмотрел на восточную ветку. Она была заросшей, с трещинами в асфальте, из которых росла трава. Но она была прямой. Ровной. Как будто кто-то расчистил ее.

— А если туда? — спросил он.

— Туда не надо, — сказал Гвоздь. — Там Рыжий лес. А за ним — еще что-то. Что-то, о чем я не хочу знать.

Кроха стоял на перекрестке. Смотрел на восток. И Штырь заметил, что его тень снова отстает. На полсекунды. На секунду.

— Нам туда, — сказал мальчик. И показал на восток.

Гвоздь посмотрел на Штыря.

— Он что, командует?

Штырь молчал. Он смотрел на тень мальчика, которая лежала на асфальте не там, где должна была лежать. Она была длиннее, чем должна была быть. И она двигалась. Медленно. Как будто дышала.

— Мы идем на север, — сказал Штырь.

Кроха посмотрел на него. Улыбка исчезла.

— Хорошо, — сказал он. — Но ты вернешься. Ты всегда возвращаешься.

Он пошел на север. Гвоздь за ним. Пионер за Гвоздем.

Штырь стоял на перекрестке еще минуту. Смотрел на восточную дорогу. Она была пустой. Тихий. Но где-то там, в глубине, что-то ждало. Он чувствовал это. Как чувствуешь взгляд в затылок.

Он развернулся и пошел за группой.

ГЛАВА 4. ЛИТЕРА

1

Она ждала их на старом мосту через высохшую реку — там, где бетонные опоры поросли серым лишайником, а перила давно обрушились вниз, в глинистое дно. Штырь увидел ее издалека: тонкая фигура в темно-сером комбинезоне, без рюкзака, без оружия — только небольшая сумка через плечо. Она стояла, прислонившись к уцелевшей опоре, и смотрела на них так, как смотрят на поезд, который опаздывает на десять минут. Без раздражения. Просто с ожиданием.

— Это она, — сказал Гвоздь тихо. — Та женщина. Которая нанимала.

Штырь кивнул. Он уже понял. Он вообще многое понял за последние два дня — больше, чем хотел.

Когда они подошли ближе, женщина выпрямилась. Ей было около тридцати. Темные волосы, стянутые в тугой хвост. Лицо узкое, с высокими скулами и глазами, которые были слишком спокойными для Зоны. В руке она держала маленький прибор — серый, с экраном, на котором бегали зеленые линии. Дозиметр. Но не такой, как у сталкеров. Более сложный.

— Штырь, — сказала она. Не спросила. Утвердила. — Я Вера. Вера Литовченко. Можно просто Литера.

— Литера, — повторил Штырь. — Как буква?

— Как литера. — Она улыбнулась — коротко, одними губами. — Меня так называют в институте.

— В каком институте?

Она не ответила. Посмотрела на Кроху. И Штырь заметил, как изменилось ее лицо. На секунду — только на секунду — в ее глазах появилось что-то, чего там не было раньше. Голод. Как у человека, который нашел то, что искал очень долго.

— Это он, — сказала она. Тихо. Как будто говорила сама с собой.

— Это мальчик, — сказал Штырь. — Его зовут Кроха.

Литера посмотрела на него. Улыбка вернулась.

— Кроха, — повторила она. — Хорошо. Пусть будет Кроха.

2

Они сели у моста — на бетонных блоках, которые когда-то были частью ограждения. Литера достала из сумки термос и пластиковые стаканчики. Налила чай. Штырь взял. Гвоздь взял. Пионер взял — с опаской, как будто чай мог быть отравлен. Кроха сел в стороне, на камне, и смотрел на реку. Или на то, что от нее осталось.

— У меня есть вопросы, — сказал Штырь.

— У меня тоже, — сказала Литера. — Но сначала — мои. Вы шли через Рыжий лес. Что видели?

Штырь помолчал. Посмотрел на Гвоздя. Тот пожал плечами — мол, решай сам.

— Поляну, — сказал Штырь. — С телами. Шесть, может, семь. Мертвые давно. Но их никто не тронул. Ни мутанты, ни аномалии. И мальчик сидел в центре. Живой.

Литера кивнула. Как будто ждала этого ответа.

— Аномалии?

— Стояли. Не двигались. «Электра» — как вкопанная.

— Еще что-то?

Штырь посмотрел на нее. В ее глазах не было страха. Только интерес. Научный. Холодный. Как у человека, который собирает данные.

— Собаки, — сказал он. — Слепые псы. Окружили поляну. Но не напали. Сели. А потом ушли.

— Ушли? — Литера подалась вперед. — Куда?

— В лес. Просто ушли.

Она замолчала. Достала из сумки блокнот — старый, с кожаной обложкой — и начала что-то писать. Быстро, размашисто. Штырь наблюдал за ней. Она писала так, как будто делала это тысячу раз. Как будто это было ее работой.

— Вы ученый, — сказал он.

— Да.

— Из какого института?

— Из закрытого. — Она подняла глаза. — Того, о котором вы не слышали.

— И что вы изучаете?

— Аномалии. — Она убрала блокнот. — И то, что за ними стоит.

3

— Вы сказали, что мальчик — не совсем мальчик, — напомнил Штырь. — Что вы имели в виду?

Литера посмотрела на Кроху. Мальчик сидел на камне, обхватив колени руками, и смотрел на запад — туда, где за лесом начиналась территория ЧАЭС. Он не обращал на них внимания. Или делал вид.

— Вы знаете, что такое «Тихий выброс»? — спросила Литера.

— Нет.

— Никто не знает. — Она усмехнулась. — Официально. Но есть данные. Фрагменты. Слухи. «Тихий выброс» — это не выброс в обычном смысле. Это событие, которое происходит внутри Зоны. Локально. Без внешних проявлений. Аномалии на время замирают. Мутанты теряют агрессию. Полтергейсты... — Она замолчала. — Полтергейсты начинают говорить.

Штырь вспомнил дыхание в подвале. Тень на стене. «Мама». Он ничего не сказал.

— Это происходит редко, — продолжила Литера. — Может быть, раз в несколько лет. И каждый раз — в разных местах. Но в последнее время... — Она снова посмотрела на Кроху. — В последнее время это происходит чаще. И всегда — рядом с ним.

— Рядом с мальчиком?

— Да.

Штырь помолчал. Он думал о том, что она сказала. И о том, что она не сказала.

— Вы знали, что он там будет, — сказал он. — В Рыжем лесу. Вы знали, что он там.

Литера не ответила сразу. Она смотрела на Кроху, и в ее глазах снова появился тот голод.

— Я знала, что там что-то будет, — сказала она наконец. — Я не знала, что именно.

— Вы врете, — сказал Штырь.

Она посмотрела на него. Долго. Без обиды. Как будто оценивала.

— Вы правы, — сказала она. — Я знала. Но не все. Я знала, что в Рыжем лесу есть... объект. Который нужно вынести. Я не знала, что это ребенок.

— Объект, — повторил Штырь.

Литера замолчала. И Штырь понял, что она сказала это случайно. Что она не хотела. Что слово вырвалось.

— Вы назвали его объектом, — сказал он. — Не мальчиком. Не ребенком. Объектом.

— Это профессиональный термин, — сказала Литера быстро. — В институте мы называем...

— Мне плевать, как вы называете это в институте. — Штырь встал. — Вы наняли меня вывести мальчика. Вы не сказали, что он — «объект». Вы не сказали, что за ним охотятся. Вы не сказали, что Зона ведет себя странно. Вы сказали: «плевое дело».

— Я сказала, что это просто, — поправила Литера. — Я не сказала, что это безопасно.

— Вы сказали, что это ребенок.

— Я сказала, что это мальчик. — Литера тоже встала. — И это правда. Он выглядит как мальчик. Говорит как мальчик. Ведет себя как мальчик. Но он — не мальчик. Он — форма. Аномальная форма, которая приняла облик ребенка.

Штырь смотрел на нее. Потом на Кроху. Мальчик по-прежнему сидел на камне и смотрел на запад. Как будто не слышал. Или как будто слышал все.

— Тогда кто он? — спросил Штырь.

— Я не знаю. — Литера выдохнула. — Правда не знаю. Я знаю только, что он связан с «Тихим выбросом». Что он — ключ. И что если его вынести за периметр, что-то изменится.

— Что изменится?

— Зона. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Зона изменится. Навсегда.

4

Гвоздь отошел в сторону. Пионер сидел на блоке, прижав обрез к груди, и смотрел то на Литеру, то на Кроху, то на Штыря — как будто ждал, кто из них первым достанет оружие. Штырь стоял у опоры моста. Курил. Думал.

Он думал о том, что нужно уходить. Прямо сейчас. Взять Кроху и уйти на север, к Кордону. Сдать мальчика Сидоровичу. Получить остаток денег. Забыть про все это. Про Литеру. Про «Тихий выброс». Про Зону, которая ведет его, как собаку на поводке.

Он думал о том, что это не сработает. Потому что Кроха уже сказал: «Ты вернешься. Ты всегда возвращаешься». И Штырь знал, что это правда. Он не мог уйти. Не потому, что ему заплатили. А потому, что мальчик говорил голосом его дочери. И потому, что тень мальчика падала не туда.

Он думал о том, что Литера врет. Не во всем. Но в главном. Она знала больше, чем говорила. И она хотела не спасти мальчика — она хотела его получить.

— Штырь, — сказала Литера, подходя. — Я понимаю, что вы злитесь. Но у нас нет времени. Если мы не выведем его до следующего выброса...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.